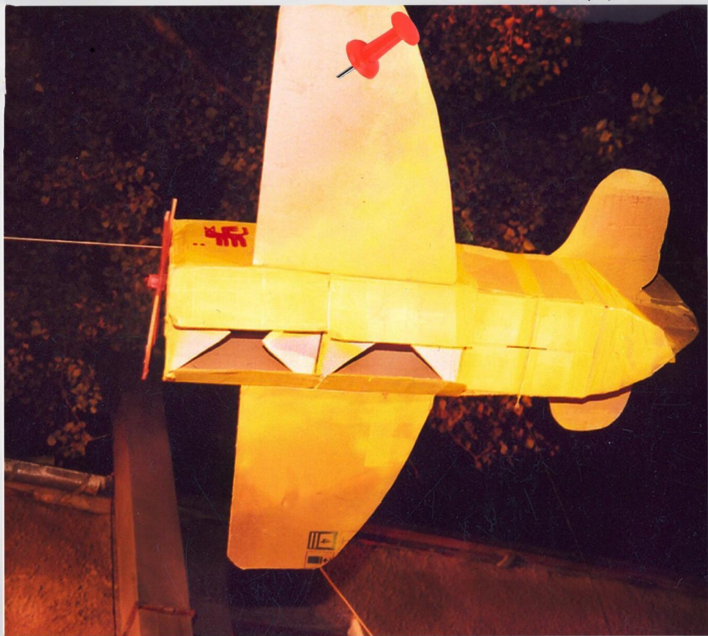

ИРИНА СЕДОВА

**ДОРОГОЙ ДЖАО ДА,
ЛЕТИ КУДА ХОЧЕШЬ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Борисовна Седова Дорогой Джао Да, лети куда хочешь!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548557

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ о временах, когда всё было совсем другим, а дружба и талант ценились больше, чем политические взгляды. То есть о 2000-х, когда в Москве открылось удивительное и впоследствии легендарное заведение – клуб "Китайский Лётчик Джао Да". Продолжение рассказа "Ира, мне так нужна твоя квартира".

Ирина Седова

Дорогой Джао Да, лети куда хочешь!

Несмотря на настоящую, как обычно говорят, – «окладистую» бороду, молодой возраст в отце Дмитриии выдавали большие светлые глаза. И наивность, с которой он читал проповедь.

Службу я отстояла с трудом. Ноги уже подкашивались, хотелось пить и скорее лечь спать. Обычно в столь ранние утренние часы я засыпала после ночного мероприятия, а в тот день уже час как стояла в церкви. Но стояла по собственной воле, а вернее – следуя врожденному синдрому отличника. Подруга Карина попросила меня стать крёстной для её сына. Я решила, что всё сделаю как надо, и пошла на причастие. Поскольку больших грехов я за собой не чувствовала, то всю службу прокручивала в голове заготовленные бесприкрышные.

Когда подошла моя очередь к батюшке, я, опустив глаза, честно рассказала, что в церковь не хожу, выпиваю почти каждый день и прелюбодействую по возможности. Отпустив грехи, отец Дмитрий дождался моего встречного взгляда и

на полном серьёзе спросил:

– Ну как там «Китайский Лётчик»? Как Лёха Паперный?

Оторопела, обратилась в соляной столб, потеряла дар речи, провалилась сквозь землю, побледнела, покраснела, пошла пятнами – все эти метафоры не могут передать, насколько священный ужас я испытала после этого вопроса. Прийти первый раз в жизни на исповедь в тридцать лет и сразу же столкнуться с необъяснимым, практически божественным провидением – это... Да вообще-то со мной всю жизнь происходят такие совпадения.

Долго вглядываясь в лицо священнослужителя, я, как в фоторедакторе, стирала с него бороду и рясу, пока не разглядела “исходник” примерно восьмилетней давности.

– Митя?..

В клуб “Китайский Лётчик Джао Да” я попала на следующий день после его открытия. Это было безработное лето после окончания журфака. Пока я училась, у меня всегда были какие-то статьи в журналах, подработка в отделе промоушена фирмы грамзаписи Feelee, место ведущей музыкальной передачи на кабельном телевидении. Как только закончилась учеба, исчезла и работа. Тем летом родители всё время уезжали на дачу, я жарила кабачки с приправой карри и принимала гостей. Еще ездила на Казантип, где наблюдала затмение солнца через закопчённое стеклышко и страшно боялась в этот момент конца света. Потом был концерт Red

Hot Chili Peppers на Васильевском спуске, повергший меня в чудовищную печаль из-за того, что я не увидела Энтони Кидиса вблизи. Я обзванивала все собеседования, объявления о которых висели на журфаке, но так и не нашла ничего подходящего для себя.

В “Лётчик” нас позвала Наташ Аксельбант, с которой я познакомилась, работая на лейбле Feelee. Его флагманской группой в то время была Tequilajazzz. В коллектив как раз пришёл второй гитарист – Олег Баранов из группы S.P.O.R.T., чей малобюджетный клип “Каникулы” с нелепыми танцами музыкантов активно крутился по телевидению. Наташа стала директором группы S.P.O.R.T. и именно на их концерт пригласила нас в новый клуб. Когда я говорю “нас”, то практически всегда имею в виду меня, Таню и Карину, но часто к нашей троице примыкал какой-нибудь один друг мужского пола. В тот раз им был Боря Шестаков, директор группы “Кирпичи”.

Клуб располагался в подвальном помещении у метро “Китай-город”. Внутри, после августовской солнечной улицы, было темно, прохладно и накурено. Времена стояли настолько свободные, что в заведениях не возбранялось курение. Довольно маленькое помещение было перегородено стеной. В одной части находилась барная стойка, сделанная из крыла самолета и приборной доски с тумблерами, в другой – невысокая сцена. Деревянная мебель выкрашена в красный и зелёный. Над каждым столиком – лампочка на длинном шнуре

с небольшой алюминиевой кастрюлькой в качестве абажура. На стене – карта мира с маршрутами полетов лётчика Джао Да, – тотемного героя этого заведения. Для убедительности – потёртая чёрно-белая фотография китайца в раме, и разложенные листовки о 17 эпизодах из жизни персонажа, давшего название клубу. Никакой грядущей легендарности этого места ещё не чувствовалось, как и его судьбоносной роли в моей жизни. Мы просто сели напротив сцены.

Борис решил налаживать деловые связи на месте, но никого из сотрудников, занимавшихся музыкальной программой, в клубе не присутствовало, и Аксель представила Бориса Вадиму Якушину, одному из соучредителей и генеральному директору. Тот тактично выслушал Борю, но посоветовал обратиться чуть позже, когда в клубе появится постоянный арт-менеджер. Боря сказал, что звонить буду я, московский представитель группы. У меня тогда была записная книжка с телефонами клубов, куда я относила кассеты с записями “Кирпичей”, и в тот день список пополнился. 6245611 Китайский Лётчик Джао Да. Позвонить по этому телефону мне так и не довелось, по крайней мере, насчёт “Кирпичей”.

Через несколько дней выяснилось, что Аксель знакома с другим учредителем клуба, Алексеем Паперным, потому что Feelee когда-то дистрибутировали пластинку группы “Паперный ТАМ”. В поисках музыкального менеджера для клуба Паперный обратился к Наташе, а она посоветовала меня.

Я сначала струсила. Мне казалось, что писать о музыкан-

тах и снимать репортажи на концертах гораздо проще, чем музыкантов этих отбирать и концерты эти организовывать. Однако всё же согласилась отправиться на смотрины, чтобы хотя бы познакомиться. О Паперном я ничего не знала. Аксель, пытаясь изобразить его манеру исполнения, напевала мне что-то вроде «Шёл я, курил папиросу...», а я даже не знала, как выглядит Алексей. Трудно представить такое, но в 1999-м году в каждом кармане еще не было мобильного интернета, позволяющего за минуту нагуглить полное досье на любого человека. Я слышала, что мама Паперного имела отношение ко многим московским арт-клубам, но я в такие места не ходила. Моей меккой был ДК Горбунова с концертами Rollins Band, Rage Against the machine, Smashing Pumpkins и Nick Cave. Перспектива работы в заведении типа “Лётчика” казалась мне скучноватой, я мечтала поскорее устроиться в какой-нибудь печатный орган писать об альтернативной музыке.

Паперный сидел за дальним столиком с двумя девушками, которые остались присутствовать на нашем собеседовании, что меня удивило и огорчило. Девушек я стеснялась гораздо больше, чем самого Паперного. Он, похоже, стеснялся меня сам, не зная, как нанимают на работу арт-менеджеров. Он курил через мундштук, держа его между длинных пальцев, а когда не курил, то просто крутил мундштук в руках. Выглядел он как бедный художник, не интересующийся ничем земным, и, как ни странно, выглядел очень молодо (я и не

подозревала, что через месяц ему исполнится 34). Он рассказал о работе: отслушивать демо-кассеты, составлять расписание, контактировать с прессой, типографией, расклейщиками, – и записал мой телефон.

В тот вечер должны были прийти и иные соискатели, поэтому Алексей предложил мне пересесть за другой столик и что-нибудь себе заказать. Предложение звучало так, как будто “что-нибудь” мне полагается за счёт заведения, но уверена я не была. Меню манило и каракатицей с вешенками, и телятиной в миндальной корочке, но я выбрала только то, на что у меня точно хватало денег: чай и десерт. Гордо съев всё, что было мне по средствам, я узнала от официантки, что мой заказ был всё-таки за счёт Алексея.

За несколько дней, пока он не звонил, я окончательно убедилась, что всё это слишком сложно и неинтересно, и даже не рассказала родителям, что появилось предложение о работе. Но через неделю раздался звонок: “Алло, это Паперный говорит. Ну что, поработаем?” Кстати, спустя годы выяснилось, что другой претендент, приходивший в тот же день собеседоваться, тоже получил предложение угоститься. И он-то как раз заказал по полной. Так, решающим фактором в выборе меня на должность арт-менеджера кафе-клуба “Китайский Лётчик Джао Да” стала горделивая скромность. Насколько мне известно, в последующие 10 лет Паперный об этом не пожалел.

Концерты в клубе нужно было проводить 4 раза в неделю,

с четверга по воскресенье, но 2 раза в месяц по четвергам Лёша просил ставить его группу “Паперный ТАМ”. Так как дать отмашку к началу выступления и получить гонорар в конце группа “Паперный ТАМ” могла и сама, то мне позволялось не приходиться в эти четверги в клуб, а работать из дома. И я довольно долгое время не приходила. А потом, наконец, пришла. Лёша сидел с акустической гитарой на табуретке, взятой от одного из столиков в зале. У него были роскошные выющиеся волосы с прорастающей сединой, которые как будто участвовали во всем происходящем: то тянули его лицо вниз, то вертели им в разные стороны, а то и вовсе заставляли подняться на ноги, чтобы получить более свободную амплитуду движения. Лёша приглаживал их неосознанным движением, пытался усмирить за ухом или отбросить к затылку, но через несколько секунд кудри снова играли концерт. В песнях было много любви, тоски и птиц. Старуха танцевала на вокзальной площади, жена полярника посылая из Москвы морковь, вода была холодная, ночь – космическая. Романтика подмосковной дачи, отчаяние ресторанной драки, мальчишеские мечты о путешествиях, театральные мизансцены. Это был период, когда в группе ещё играл басист Рома, кларнетист Юра, виолончелист Костя и барабанщик Митя, собственно – будущий отец Дмитрий.

К тому моменту, когда я оказалась на исповеди, группа «Паперный ТАМ» уже пережила увлечение балканщиной с

аккордеоном, латиной с перкуссией и стала больше поворачиваться к рок-звучанию. Лёша стал стричь ещё более поседевшие волосы покороче и мечтать о театральной площадке. А «Китайский Лётчик» проживал лучшие годы своей жизни.

Вечером я возбужденно рассказала о случившемся в клубе, и Лёшина подруга Варя Турова резонно заметила: «И друзья у тебя музыканты, и любовники музыканты, и начальник музыкант и даже духовник – музыкант!».

Лёша был нестандартным начальником. Первое время, когда зарплату в клубе выдавали наличными (да-да, бывали времена не только без запрета на курение и без мобильного интернета, но и без банковских карт), Лёша отдавал мне мои деньги, завернув в лист бумаги, на котором писал стихи на актуальную тему. В большинстве случаев он подшучивал надо мной:

*“Любишь музыкантов, Ирина? – Люби!
Люби музыкантов, но клуб не губи!”*

Но многие послания касались и конкретных музыкантов, которыми мы были увлечены.

*“Я не гений, так и быть,
Можешь Шнурова любить!
Надоело нахуй блядь*

Буду так теперь писать!”

“Пришла пора менять кумира.

Такая ветренная Ира

Но в данном случае – ура!

Нам нравятся “маркшайдера”!”

“Быть может, Ирка, все они

Не твоего полёта птицы.

Гони, Седова, их, гони!

Готовься! Едет Кустурица!”

Вскоре после меня в клуб устроилась и моя ближайшая подруга Таня, с которой мы познакомились в первом классе школы, да так и продолжаем держаться вместе до сих пор. А Карина, которая познакомилась с Таней на первом курсе эстрадно-джазового отделения Гнесинки шутила, что работает в “Лётчике” «профессиональным отдыхающим». Для Тани придумали должность “менеджер по спецпроектам” и сразу взвалили выпуск пластинки с любимыми исполнителями “Лётчика”, которая должна была быть напечатана огромным тиражом и вложена в наимоднейший в то время журнал “Афиша”.

“Пластинка вышла!

Не шутя

скажу тебе:

у нас дитя!» – написал мне на зарплате Лёша в тот период. А вот про нашу творческую группу и иерархию в ней:
*«Вот что я придумал, Ир:
Я мочалок командир.
Мойдодыр.»*

Лёшиной маме, Ирине Борисовне Паперной, было 58 года, когда открылся “Лётчик”. Она всегда охотно рассказывала об истории своей семьи. Про то, как её дедушка застрелился в 1936-ом, а отец погиб в 1942-м, через 4 месяца после её рождения. Про дядю, знаменитого литератора Зиновия Паперного, который взял на себя заботу о родных. Про мечту поступить на журфак. Про работу в химическом институте и организацию концерта Высоцкого. Про театральные студии Табакова и Розовского, в которых она работала “Ирой Паперной”, про первые арт-клубы, которые они с Лёшей открывали в Москве. Она тоже была соучредителем “Лётчика”, неофициально – его душой, и называла наш творческий отдел “котик в серпентарии”. Это уже после того, как выяснилось, что и я, и Таня, и сама Борисовна родились в годы Змеи, а Лёша – в год Кота(Кролика). Но “котик” однозначно был для нас троих “Мойдодыром”. Первое время он пытался держать маму на расстоянии: «Не лезь, это мои сотрудницы!». Непонятно, на что он рассчитывал, зная, что Ирина Борисовна всегда рядом с ним, всегда в курсе его дел, всегда обожает и всегда может найти повод для скандала. «Мы будем заниматься программой, а ты, мам, будешь заведомом

пропаганды!» – пытался расставить все мочалки по местам Лёша, но в итоге все занимались всем. Про пиар я, конечно, знала с журфака, но Ирина Борисовна преподавала нам собственный ежедневный авторский курс по связям с общественностью. На правах хозяйки она подсаживалась к любому столику, говорила : «Я Ира Паперная, хочу вам рассказать про наши чайные церемонии/концерты/детские праздники/новый альбом моего сына/и так далее». Однажды она мне в клубе сказала: «Там пришёл писатель Сорокин, ты его знаешь?» Я говорю: «Ну, писала на журфаке курсовую по его «Роману». – «Пойдем познакомлю», – уверенно сказала Борисовна, и мы пошли. «Здрааавствуйте», – приветливо затянула она, и писатель Сорокин повернулся к нам. – «Я Ира Паперная, а это вот Ирочка Седова, наш арт-менеджер, она писала курсовую по вашим книгам на журфаке!» – Сорокин понимающе посмотрел на смущенную меня, держащую наготове ручку и блокнот. – «Мы очень рады, что вы к нам зашли. Давайте мы запишем ваш телефон и будем приглашать на разные наши мероприятия?». Таким был пиар по-паперновски: только личное общение «на голубом глазу», как она это называла. Вскоре я тоже научилась подходить к незнакомым звёздам и завязывать с ними полезные знакомства, деловые связи и личные отношения. Думаю, в «Лётчике» в то время было вообще очень много личного: и вложенного, и полученного взамен.

Группы мы отбирали тоже по личному вкусу. Только вот

у Лёши было какое-то своё тонкое музыкантское понимание того, что мы ищем; у Тани, как у вокалиста после Гнесинки, “сводило связки”, когда он слышала неидеально взятую ноту; а я рассуждала как профессиональный фанат, пытаюсь угадать, сможет ли кто-то влюбиться в ту или иную группу. Отказывать претендентам приходилось чаще, чем сообщать о том, что они подходят. Сначала было вообще непонятно, какой формат должен быть у клуба, можно ли ставить громкий рок или электронную музыку. Я помню, что в какой-то момент привела “Кирпичей” просто показать место, куда устроилась, и говорила, что скорее всего эта сцена не для них. Спустя время они всё же были допущены в расписание, и на долгие годы стали одной из самых кассовых и любимых групп “Лётчика”, жаль только, что к тому времени уже умер барабанщик Джей. Получается, что в “Лётчике” он успел побывать только как гость, а первый концерт группа играла уже с барабанщицей Светой Терентьевой.

Группа Tequilajazzz не только регулярно выступала в «Лётчике», но и приезжала потусить после концертов в других московских клубах. Поскольку в большинстве случаев на ночёвку они останавливались у меня, то им просто приходилось заезжать за мной на работу. Вместе с ними обычно приезжал ещё десяток поклонников, столики сдвигались в зале перед сценой, заказывалось какое-то огромное количество графинов с водкой, и гудящая компания наполняла ночной «Лётчик» тем, что годами пропитывало стены клуба,

создавая ту самую атмосферу.

Однажды на собрании персонала Вадим Якушин (тот самый, с кем я познакомилась в первый визит в клуб) отчитывал официанток за то, что они выпивают во время смены. И кто-то из девочек с обидой сказал: «А Седова вон тоже постоянно выпивает с музыкантами!». На это Вадим Анатольевич ответил: «А вот Седовой как раз можно! Это её работа!»

*“Колючие штучки бывают у розы
Сегодня стихи про суровую прозу
Я понимаю – тусовка, угар...
А как же музЫка, реклама, пиар?”*

На первую годовщину клуба Лёша решил поставить спектакль “17 эпизодов из жизни Джао Да” по мотивам той самой легенды, которая окутывала «Лётчик». Сценарий начинался с того, что в семье башмачника родился мальчик, с детства мечтавший стать пилотом. А заканчивался тем, что спустя много лет сын этого героя открыл в Москве кафе в честь лётчика Джао Да». И это была не совсем сказка. Самым главным учредителем клуба был (и есть) Владимир Григорьевич Джао. Московский бизнесмен китайского происхождения, он был хозяином первого в столице китайского ресторана, куда заходили и Виктор Цой, и Артемий Троицкий, и другие представители музыкальной, театральной и литературной тусовки тех лет. И этот ресторан располагался в до-

ме, где жили Паперные. А у них, по рассказам, тоже всегда собирались гости: Слава Полунин, Марк Розовский, Лев Рубинштейн. У Владимира Григорьевича была ещё и компания по кейтерингу для авиа-бортов. Когда Джао пригласил Лёшу и Борисовну в соучредители «Лётчика», Лёша сочинил «17 эпизодов из жизни Джао Да» с аллюзиями к биографии Джао.

В честь первой годовщины клуба на веранде, которая тогда ещё была просто задним двором с функцией сарая, Петя Пастернак (создатель дизайна и интерьера «Лётчика») построил настоящую сцену с занавесом и кулисами. А над ней через весь двор протянул шнур, по которому в нужный момент медленно двигался большой жёлтый картонный самолёт. Я, Таня и Карина играли мотыльков Цу-синь, которые учили юного Джао Да летать. А Ирина Борисовна играла Софи, жену лётчика. Рефреном спектакля была фраза, которую Софи произносила в разные периоды жизни: «Дорогой Джао Да, лети куда хочешь! Я буду ждать тебя. А когда ты вернёшься, я приготовлю твои любимые бретонские блинчики!». Также в спектакле были задействованы дружественные музыканты, журналисты, актёры, другие сотрудники клуба, и их дети.

Когда-то, в конце 80-х Паперный поставил спектакль «Твербуль», с которым объездил Европу и Америку. Театральная жажда не отпускала его с тех пор, и возможность ставить любые спектакли в «Лётчике» очень его вдохновила.

Вплоть до 9-летия клуба Лёша придумывал по спектаклю на каждый день рождения, и ещё по одному – к Новому году. Обычно он тянул до последнего, а за две недели начинались ночные репетиции. В этих спектаклях с радостью принимали участие такие крутые люди, как французский музыкант Нильда Фернандес, певица Пелагея, популярный теперь киноактер Олег Касин, иногда мы с Таней и, конечно, Ирина Борисовна. Последним «домашним» спектаклем была «Река», где я, например, играла Шляпу и Вербу, а Паперная была Птицей. Размахивая руками, она медленно проплывала по сцене, произнося фразу «Есть вопросы, на которые нет ответа». Зал смеялся. Потому что только сын мог придумать такой символический образ для своей мамы. Яркая, независимая, легкая на подъем, взбалмошная, громкая, при этом способная укрыть своим крылом любого.

Кажется, после этого спектакля Лёша окончательно решил открывать новый клуб с большой театральной сценой. Таня, которая к тому моменту была не только спец-менеджером «Лётчика», но и директором группы «Паперный ТАМ», несколько месяцев ездила с Лёшей смотреть разные помещения и предполагала, что Лёша пригласит её работать в новое заведение.

Нас, конечно, не особо посвящали в дела учредителей, но в какой-то момент стало понятно, что их отношения стали портиться. У Вадима Якушина появился «Вудсток» и «Подмосковье», а Владимир Григорьевич решил открывать фи-

лиалы «Китайского Лётчика» в разных городах. Однажды он пригласил нас с Таней на встречу, где предложил стать менеджерами будущей сети и развивать бренд, но уже без участия Лёши. Недолго думая, мы ответили, что мы – люди Паперных, да и «Лётчик» – дело Паперных, поэтому действовать за их спиной считаем неправильным. Конечно же, мы рассказали об этом разговоре Лёше, и получили довольно сдержанную благодарность. Вскоре Лёша открыл «Мастерскую» вместе с Варей Туровой и Артуром Куриленко, и, можно сказать, оставил нас в «Лётчике» на произвол судьбы. Без его идей, вкуса, смелости и связей лично мне работать стало как-то скучнее.

Честно говоря, я и сама несколько раз пыталась уходить из клуба, потому что мне казалось, что я топчусь на месте, что мои однокурсники с журфака уже стали главными редакторами журналов и радиостанций, и так далее. И однажды в истерическом порыве я сказала Лёше, что начинаю искать другую работу. А он ответил, что так не делают. Что если хотят уйти, например, из брака, то не предупреждают, что начали искать другого претендента, а либо уходят, либо остаются. Меня такое сравнение очень поразило, и уйти я так и не смогла.

*“Ирка! Ты не истеричка –
У тебя душа, как спичка.”*

Но поскольку необходимость, наверное, всё же витала в воздухе, то Вселенная уволила меня по-своему. На 10-летию клуба в августе 2009-го я вела конференс, будучи уже на последних сроках беременности. Забавно, что на 20-летию “Лётчика” я снова была ведущей, но это был уже трёхдневный загородный опен-эйр, а я к тому моменту уже была многодетной мамой.

Тут мой литературный сюжет сделает неожиданную петлю и, начавшись на исповеди, закончится на отпевании.

Октябрь 2021-го выдался холодным, ветреным, нервным. В чате “Друзья ИБ” каждый день новости. Мама такая же как вчера. Консилиумы собираются. Главное что не хуже. Мы верим. По легким ухудшение. Кардинальных изменений ждать нет оснований. Уж кому как ни ей положены чудеса. Мы верим. Ресурсы еще есть, но все очень шатко. Включили ей запись поздравлений с днём рождения, кажется она всё слышала. С утра бодрствовала, была с открытыми глазами. Давайте продолжать совместные молитвы каждый вечер в то же время. Ситуация тяжёлая, но шансы есть. Мы все верим. Нужен хороший специалист. Сегодня умерла.

“Полетел жёлтый лист,

За рекой поет баян.

О прошедших днях тоскует гармонист.

Где росли ромашки, там густой бурьян”.

Мы поём эту песню из спектакля “Река” под аккомпанемент аккордеониста, стоя вокруг гроба во дворике храма. Мы стоим на ветру и смотрим друг на друга. Некоторые даже лично не представлены, но, благодаря Ирине Борисовне, знают друг о друге всё. Ситуация довольно странная, и многие снимают на мобильный. Лично я никогда раньше не была на таких похоронах. Но, правда, я и таких людей, как Борисовна, раньше не знала.

Голоса становятся громче:

“Листопад, гололёд,

Ясный день, густой туман,

Знать бы, кто из нас докуда допоёт.

Что мы будем делать, расскажи, баян”.

Кажется, что никому просто не хотелось с ней расставаться, поэтому мы тянули время и пели ещё несколько песен. Хотелось, чтобы она начала ругаться – на Лёшу, на тех кто пришёл и тех, кто не пришёл. Чтобы начала кому-то звонить. Чтобы стала танцевать, придерживая за подол это знакомое платье в цветочек. Чтобы опять рассказывала что-то “по секрету”. Кому как ни ей положены чудеса. Кому как ни ей положен покой. Кому как ни ей положен праздник. И мы пели, стоя вокруг гроба. А с огромной копны букетов у её ног медленно, по одному, опадали лепестки ромашек.

*“Полетел жёлтый лист,
За рекой поет баян.
О прошедших днях тоскует гармонист.
Где росли ромашки, там густой бурьян”...*